

УДК 114

DOI: 10.17223/1998863X/34/38

О.И. Целищева

РИЧАРД РОРТИ И КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

Раскол западной философии в XX веке на континентальную и аналитическую ветви является признаком ее кризиса. Построение философского канона для каждой из ветвей означает легитимизацию философской дисциплины в качестве наследника традиции. Классификация Ричардом Рорти способов построения канона позволяет сопоставление ценностей аналитической и континентальной философии в соотношении с пониманием философии как культуры.

Ключевые слова: Рорти, аналитическая философия, континентальная философия, философский канон, доксография, интеллектуальная реконструкция, историческая реконструкция, прагматизм.

Кризис современной западной философии, расколотой на несколько радикально различающихся направлений, является общепризнанным фактором в более широком контексте западной культуры. Основные разделы философии с различными методами, идеалами и целями, образуя общий философский дискурс, делают его собранием зачастую несовместимых практик. В связи с этим встает вопрос, можно ли говорить о некотором едином философском знании или специфическом философском методе. В стремлении некоторых философов преодолеть антагонизм внутри самой философии следует выделить усилия Р. Рорти, который в своих работах охотно совмещает в общем контексте истории идей самые разнообразные взгляды. Для того чтобы понять происхождение «синтетической» стратегии Рорти, следует остановиться на ситуации в современной философии. Признание очередного кризиса в западной философии становится общим местом в критических обзорах ее нынешнего состояния. Некоторые авторы выделяют три главных направления: аналитическую философию, континентальную философию и историю философии [1]. При этом континентальная философия обвиняется в том, что она никогда не формировалась собственно теоретическим путем и заинтересована лишь в политических и этических вопросах. Что касается истории философии, то она развивается по большей части на региональной основе, интересуясь скорее национальной культурой, а не объективными ценностями собственно философии. Аналитическая философия претендует на теоретическую строгость, в то же самое время предпочитая «терапевтическую» деятельность в отношении философских проблем.

Аналитическая философия претендует на то, что ее методология и ее цели максимально совпадают с методологией и целями естественных наук. В этом смысле она предполагается кумулятивной и достоверной областью знания. Это одна из причин, по которой релятивизм в отношении науки куновского толка не особенно приветствуется в аналитической философии, потому что смена парадигм противоречит кумулятивности науки. Правда, про-

тиворечие снимается тем, что можно говорить о нормальном периоде развития естественных наук. С другой стороны, традиционная философия, олицетворением которой является континентальная философия, предпочитает не единственный ответ на поставленные проблемы, а столкновение мнений, множество интерпретаций, относительную свободу в аргументации. Эта свобода практически приводит к ликвидации аргументации как таковой, поскольку она заменяется метафорами, лозунгами и даже более радикальным пониманием философии как беллетристики [2].

Противоречия между аналитической и континентальной философией являются «внутренним» делом философского сообщества, и люди, не занимающиеся непосредственно философией, не могут уяснить суть этих разногласий. Одна из попыток такого различения состоит в указании на то, что аналитическая философия осуществила переход от обсуждения опыта к обсуждению языка, – этот переход получил специальное название «лингвистического поворота». Однако внимание к языку, которое, по мысли аналитических философов, должно было способствовать естественнонаучной направленности философии, не может служить критерием отличия, о котором говорилось выше. Лингвистический поворот свойствен всей западной философии XX века – действительно, герменевтика Г. Гадамера, деконструкция Ж. Деррида, коммуникативный подход Ю. Хабермаса являются прямой апелляцией к принципам функционирования языка в описании мира и человека. Название очень известной в аналитической философии книги А. Айера «Язык, истина и логика» [3] характерно в этом отношении, не говоря уже о «языковых играх» Витгенштейна. Конечно же, использование аналитическими философами символической логики предполагало большую ясность и четкость в аргументации, чем это имело место у континентальных философов.

Аналитическая философия стремится к получению знания, как оно понимается в естественных науках. Здесь аналитические философы конфликтуют с историками, поскольку суть исторических поисков состоит не только в отыскании «фактов», а в воспроизведении вариантов прошлого, вариантов, которые часто противоречат или конкурируют друг с другом. Именно в этом смысле аналитическая философия претендует на кумулятивный характер, который подразумевает определенность и окончательность.

Континентальная философия не ориентирована на науку и предлагает ликвидацию строгих дисциплинарных границ между философией и беллетристикой, историей идей и литературной критикой. Конфликт аналитической и континентальной философии имеет аналог в конфликте двух культур в концепции Ч. Сноу «двух культур» – технологической и гуманитарной [5]. Естественно, что в континентальной философии позволена большая свобода как в методах аргументации, так и в собственно философских конструкциях. Можно сказать, что континентальной философии присущ антисаентизм, который имеет не только психологические корни, но и философский фундамент, например в системе М. Хайдеггера. Предпочтение континентальными философами культурного дискурса в противоположность научному дискурсу влечет отказ от поисков первыми объективной истины.

Р. Рорти скептически относится к искусственному, с его точки зрения, разделению внутри самой философии, проявляя интерес ко всем трем на-

правлениям, рассматривая их в качестве составных частей истории идей. В своей статье об историографии философии он выделяет четыре направления, которые характеризуют современные тенденции в философии как разновидности философского дискурса в контексте мировой культуры [4]. Это рациональная и исторические реконструкции, история духа (*Geistesgeschichte*), доксография и, наконец, интеллектуальная история.

Рациональная реконструкция философских взглядов прошлого с первого взгляда противоречит исторической реконструкции. Описание идей, высказанных в прошлом, может быть двояким: с одной стороны, это может быть их критика, попытка исправления «неверных» взглядов или «ошибок» с точки зрения нынешнего этапа в развитии философии, либо же это попытки воссоздания интеллектуальной обстановки того времени. С точки зрения аналитической философии эти две стратегии антагонистичны. Историцизм Т. Куна [6] и несоизмеримость П. Фейерабенда [7] говорят в пользу второй стратегии, в то время как Венский Кружок был категоричен в принятии первой. Рорти полагает, что тут на самом деле нет конфликта и что нужно делать обе вещи, но делать их раздельно. Оба результата будут описаниями различных контекстов, в которые могут быть вложены идеи прошлого, и наличие множества контекстов отражает плюрализм человеческой практики в мире идей. Сам Рорти охотно допускает резкость оценок, «делая их раздельно». Так, он говорит, что мы должны признавать, например, что Г. Фреге был «оригинальным логиком с необоснованными эпистемологическими претензиями» [4. С. 323]. Дэвидсон становится у него фигурой, которая полностью подтверждает взгляд Рорти на истину и метафору, хотя сам Дэвидсон категорически отрицает какое-либо сходство. Но оправдание Рорти в такого рода случаях состоит в указании на принадлежность одной и той же дисциплинарной матрице, если речь идет о рациональной реконструкции. В какой степени мы можем «заставить» мыслителей прошлого принять наши правила игры и признать свои собственные «ошибки» – это большой вопрос, на который Рорти отвечает следующим образом: «Философ, который полагает какой-либо семантический тезис, например, что все слова являются именами, будет иметь совершенно иные разговоры с Платоном, нежели философ, которые полагает, что философия языка есть проходящая причуда, не имеющая никакого отношения к настоящим проблемам, разделяющим Платона и его великих современных антагонистов (например, Уайтхеда, Хайдеггера или Поппера). Сторонники Фреге, Крипке, Поппера, Уайтхеда и Хайдеггера будут каждый раз отправлять Платона на переподготовку на свой манер перед тем, как начать с ним спор» [4. С. 310].

«Переподготовка» состоит в рациональной или исторической реконструкции. При этом не обязательно речь идет о мыслителях далекого прошлого. Правдоподобность классификации Рорти видна из недавнего анализа С. Фуллером концепции научных революций Т. Куна [8]. Фуллер рассматривает философию Т. Куна в контексте политического заказа от видного «ястреба» времен «холодной войны», ректора Гарвардского университета Дж. Коннанта, сделанного с целью разворачивания классических американских университетов к точным наукам, что было необходимо в ситуации противостояния США с СССР.

Оба жанра – историческая и рациональная реконструкция – менее масштабны, чем *Geistesgeschichte*, история духа. Здесь, по мысли Рорти, философское течение или философия отдельного философа помещается не просто в исторический контекст, а в контекст всего творчества философа, который претендует на понимание всего спектра мыслимых философских проблем. Больше того, для этого направления характерно обоснование того, почему философ выбрал ту или иную проблематику, исходя из понимания им сущности философии. В этом смысле *Geistesgeschichte* представляет собой широкую интеллектуальную историю, которая, в отличие от доксографии, подразумевает мотив исследователя, его стремление вывести из своей концепции определенную мораль. В качестве представителей «истории духа», помимо Гегеля и Хайдеггера, Рорти упоминает М. Фуко и А. Макинтайра. Нам кажется, что в данном случае Рорти непоследователен, потому что оба этих мыслителя хотя и представляют определенные истории, в основном «дескриптивны» в критике или просто описании определенных практик. Например, в одной из своих основных работ Макинтайр описывает моральные практики различных времен, отдавая предпочтение концепции добродетели Аристотелю [9]. Хотя рассмотрение моральных проблем по ходу всей человеческой истории Макинтайром и представляет собой интеллектуальную историю, тем не менее «мораль» по поводу концепций морали задана Макинтайром изначально, хотя поначалу и в неявном виде.

История духа как философский жанр, в отличие от локальной исторической реконструкции, претендует на большую абстрактность и отвлеченность, которые подразумевают раздвигание границ дисциплины. Так, истории М. Фуко не апеллируют к специфическим философским категориям, претендуя на указание большей важности человеческих практик по сравнению с некоторым установленным канонном. Это опять-таки в определенной степени противоречит концепции Рорти, согласно которой *Geistesgeschichte* упрочняет канон [4. С. 317].

Следующий жанр – это доксография, которая подвергается у Рорти сокрушительной критике как обольванивание описываемых в канонических историях философии мыслителей, намеренную или ненамеренную их мумификацию. Основная ошибка доксографов состоит в «отчаянных попытках заставить Лейбница и Гегеля, Милля и Ницше, Декарта и Карнапа говорить об одних и тех же темах...» [4. С. 318].

Доксографы не могут справиться с проблемами описания философии как единого предприятия. Действительно, постановка в один ряд мыслителей типа французских материалистов и аналитических философов вроде С. Крипке будет в высшей степени искусственной. Рорти даже рекомендует прекратить написание книг под названием *История философии*, поскольку в такой единой истории обнаруживается, что многие великие мыслители вообще не обсуждали тех проблем, которые должны были бы увязать их в единую схему. Эта предполагаемая схема считается Рорти нереализуемой, и в то же самое время он реализует в своем творчестве такое единое видение совершенно различных философов современности. Действительно, одни только названия его статей удивляют привыкших к устоявшимся канонам читателей: «Витгенштейн, Хайдеггер и овеществление языка» [10], «Хабермас, Деррида и функции философии» [11], «Самотворение и установление принадлежности:

Пруст, Ницше и Хайдеггер» [12] – список можно продолжать. Возникает впечатление, что Рорти под философским канон понимает «вертикальную» структуру по времени, а сам выстраивает «горизонтальный» канон, под который подгоняются современные мыслители, сходство между которыми с первого взгляда может казаться весьма отдаленным. С этой точки зрения вряд ли можно считать, что Витгенштейн и Хайдеггер сходились в том, что является «философскими вопросами» и что означает их решение.

Другая, с нашей точки зрения, уязвимая позиция состоит в том, что Рорти всех философов «загоняет» в контекст прагматизма. Прагматизм Рорти тут можно рассматривать двояко. С одной стороны, Рорти является прямым наследником Дж. Дьюи, плюрализм философии которого избегал каких-либо жестких рамок, присущих европейской философии. С другой стороны, философия Рорти принадлежит в какой-то степени более узкой дисциплинарной матрице прагматизма У. Джеймса. Специфические концепции в философии Рорти, в первую очередь, понимание им истины, относятся к собственно прагматизму Джеймса, а вот «вольное» обращение с европейскими современными мыслителями – к философии Дьюи. Естественно, что такого рода разделение не является жестким, но все равно нужно иметь в виду, что сам Рорти превзошел ограниченность традиционного прагматизма, оставаясь тем не менее в его основном русле. Впрочем, как отмечено некоторыми философами, тенденция многих значимых философских фигур Америки к концу своего творчества находить корни своей философии в прагматизме, является довольно устойчивой. В качестве примеров можно привести У.В.О. Куайна [13] и Х. Патнэма [14].

Прагматистская позиция Рорти ведет его к заключению, что все четыре жанра в философии приемлемы, если нам позволено давать наш собственный канон и, в более частном случае, нашу собственную *Geistesgeschichte*, собственную историю духа. В этом случае кризис западной философии состоит в уменьшении числа доксографий, ликвидации единообразия в преподнесении философии: «Чем более разнообразные каноны мы принимаем, чем больше конкурирующих историй духа есть перед нами, тем более вероятно, что мы реконструируем сначала рационально, а потом исторически, интересных мыслителей... Конкуренция подобного рода не приведет к разрешению спора, но пока она существует, мы не потеряем чувства сообщества, которое возможно только через беспристрастные разговоры» [4. С. 329–330].

Рорти полагает, что западная философия находится в «кризисе» с самого своего основания, поскольку кризис этот заключается в появлении все новых историй, которые дают разные описания и переописания человека и общества. Жанры философских сочинений находятся в теснейшей взаимосвязи друг с другом, и, по сути, выделение их является столь же произвольным и расплывчатым, сколь расплывчаты намерения философов и реализации их замыслов.

Литература

1. Milliagan K., Simons P., Smith B. What's Wrong with Contemporary Philosophy // *Topoi*. 2006. n. 25. P. 63–67.
2. Rorty R. Derrida and the Philosophical Tradition // *Philosophical Papers*. Vol. 3: Truth and Progress. Cambridge University Press, 1998. P. 327–350.
3. Айер А.Дж. Язык, истина, логика. М.: Канон+, 2010.

4. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра // Рассел Б. История западной философии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1994. Т. 2. С. 305–330.
5. Сноу Ч. Две культуры. М., 1973.
6. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
7. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М., 2007.
8. Fuller S. Thomas Kuhn. A Philosophical History for Our Times. Chicago University Press, 2000.
9. Макинтайр А. После добродетели. М.: Академический Проект, 2000.
10. Rorty R. Wittgenstein, Heidegger, and Reification of Language // *Philosophical Papers*. Vol. 2: Essays on Heidegger and Others. Cambridge University Press, 1991. P. 50–65.
11. Rorty R. Habermas, Derrida, and the Function of Philosophy // *Philosophical Papers*. Vol. 3: Truth and Progress. Cambridge University Press, 1998. P. 307–326.
12. *Self-Creation and Affiliation*: Proust, Nietzsche, and Heidegger // *Contingency, Irony, and Solidarity*. Cambridge University Press, 1989. P. 96–121.
13. Godfrey-Smith P. Quine and Pragmatism // *A Companion to Quine*. / eds. Harman G., LePore E. Wiley Blackwell, 2014. P. 54–68.
14. Conant J., Zeglen U., eds. Hilary Putnam: Pragmatism and Realism. Routledge, 2002.

Tselishcheva Oxana I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

DOI: 10.17223/1998863X/34/38

Richard Rorty and the crisis of modern western philosophy

Keywords: Rorty, analytic philosophy, continental philosophy, philosophical canon, doxography intellectual reconstruction, historical reconstruction, pragmatism.

The split of Western philosophy in the twentieth century into continental and analytical branches is considered as a sign of its crisis. The construction of the philosophical canon for each of the branches is the legitimization of the philosophical discipline as an heir to the tradition. Classification by Richard Rorty the ways of constructing the canon allows a comparison of the values of analytic and continental philosophy in correlation with the understanding of philosophy as a culture.

References

1. Milliagan, K., Simons, P. & Smith, B. (2006) What's Wrong with Contemporary Philosophy. *Topoi*. 25. pp. 63–67. DOI: 10.1007/s11245-006-0023-0
2. Rorty, R. (1998) Derrida and the Philosophical Tradition. *Philosophical Papers*. 3. Cambridge University Press. pp. 327–350. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511625404.018>
3. Ayer, A.J. (2010) *Yazyk, istina, logika* [Language, Truth, and Logic]. Translated from English by V.A. Surovtsev, N.A. Tarabanov. Moscow: Kanon+.
4. Rorty, R. (1994) *Istoriografiya filosofii: chetyre zhanra* [Historiography of Philosophy: Four genres]. In: Russel, B. *Istoriya zapadnoy filosofii* [History of Western Philosophy]. Vol. 2. Translated from English. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 305–330.
5. Snow, Ch. (1973) *Dve kul'tury* [The Two Cultures]. Translated from English. Moscow: Progress.
6. Kuhn, T. (1977) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Translated from English by I. Naletov. Moscow: Progress.
7. Feyerabend, P. (2007) *Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoy teorii poznaniya* [Against Method. An Outline of an Anarchist Theory of Knowledge]. Translated from English. Moscow: Khronitel'.
8. Fuller, S. (2000) *Thomas Kuhn. A Philosophical History for Our Times*. Chicago University Press.
9. MacIntyre, A. (2000) *Posle dobrodeteli* [After Virtue]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Moscow: Akademicheskii Proekt.
10. Rorty, R. (1991) Wittgenstein, Heidegger, and Reification of Language. *Philosophical Papers*. 2. Cambridge University Press. pp. 50–65. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511609039.004>
11. Rorty, R. (1998) Habermas, Derrida, and the Function of Philosophy. *Philosophical Papers*. 3. Cambridge University Press. pp. 307–326. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511625404.018>
12. Rorty, R. (1989) *Contingency, Irony, and Solidarity*. Cambridge University Press. pp. 96–121.
13. Godfrey-Smith, P. (2014) Quine and Pragmatism. In: Harman, G. & LePore, E. (eds) *A Companion to Quine*. Wiley Blackwell. pp. 54–68.
14. Conant, J. & Zeglen, U. (eds) (2002) *Hilary Putnam: Pragmatism and Realism*. Routledge.